

ИГОРЬ
ОЛЬГИН

БЕСКОНЕЧНОСТЬ
ЛЮБВИ

Москва
2018

УДК 82-1
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Игорь Ольгин

Бесконечность Любви. Составители Ольга Лемберг,
Игорь Ольгин, Екатерина Севостьянова.
Вступление Вероника Платова

В сборник вошли стихотворения, преимущественно написанные в последние годы. Некоторые произведения не раз звучали в эфирах радиостанций и в различных телевизионных передачах.

© Оформление Никос Руссос 2018

ПОЭТ И МИСТИКА

Мистики и тайны вокруг Игоря Ольгина хватает с избытком. Более того, все его творчество перенасыщено какими-то невероятными коллизиями, прозрениями и предсказаниями. Не побоюсь сказать, что примерно еще в 2000-м году в одной из очень острых эпитаграмм поэт очень точно охарактеризовал премьер-министра России Дмитрия Медведева, фактически предсказав его политический взлет и последствия этого взлета. При этом сам поэт весьма аполитичен и всячески избегает общения с сильными мира сего, хотя его друзьями являются члены монарших и дворянских семей Европы. Я как-то сама была свидетелем задушевного телефонного разговора поэта с одним из герцогов, разговор шел на равных, Ольгин даже позволял себе подтрунивать над своим собеседником. Кто же он – этот пресловутый Игорь Ольгин? Не смотря на то, что знаю поэта более двадцати лет, до сих пор сама себе не могу ответить на этот вопрос. В 1993 году он как-то позвонил мне и тоном, не терпящим возражений, пригласил приехать. Не смотря на свою занятость, я отправилась к нему в гости. В тот вечер он читал мне свою уникальную «Сказку о Синем Джинне» – сказку в стихах, написанную в

лучших традициях русской сказочной поэтики. При этом в самом произведении наблюдается уникальный синтез русской поэзии и поэзии Востока. Но больше всего меня поразили подтексты, перечитывая неоднократно это произведение, я постоянно открываю для себя что-то новое и сокровенное. Складывается впечатление, будто эта сказка поэту была продиктована свыше. Такими же уникальными являются и другие поэтические сказки Ольгина – «Рыжий Ян», «Песня Королевы гор» и «Невеста с реки».

Когда я решила написать эту статью, первым делом я позвонила Игорю и сообщила ему о своем решении. Мотивировка была проста, я хотела, чтоб читатели России знали о нем и его великолепной поэзии. Хотелось разрушить устоявшееся мнение, что в современной России поэзия обесценена и ей нет места в умах и сердцах россиян. Ольгин после небольшой паузы сухо мне заметил: «Только прошу мою биографию не описывать».

Своим замечанием он несколько усложнил мою задачу, ибо мне хотелось поделиться с читателями, насколько это замечательный и уникальный человек – его личность окружена загадками, легендами, до-

мыслами и сплетнями. Зачастую поэту приписывают чуть ли не сверхъестественные способности. Как-то в разговоре с одной из женщин, встречавшихся с ним по делам, я услышала: «Ольгин?! Да он же ясновидящий (прозорливый) и телепат... Кстати, компетентные люди утверждают, что он обладает способностями к телепортации...» Спорить с этой восторженной дамой мне не хотелось. С другой стороны я и сама замечала за много лет моей дружбы с ним некую прозорливость, вернее способность предугадывать какие-то события и обстоятельства. Но в принципе данными способностями обладали и обладают многие творческие личности, одаренные от Бога. Они просто не могут иначе и никакая власть не имеет над ними власти.

Я бы не хотела заниматься размышлениями на тему поэзии Ольгина. Надеюсь, читатели сами смогут по достоинству оценить стихи, представленные в этой небольшой книге, и получить радость от очередной встречи с мастером.

Вероника Платова

Я тебя украшу георгинами
И фиалки брошу на постель.
Пусть не будут радости невинными,
Пусть спокойствие сметет любви метель.

И возможно разными конфетами
Грациозный твой украшу путь.
Самый низменный между поэтами,
Я тебя возвышу в песне как-нибудь.

А еще порыв почти гоголевский
Обуздаю хищным существом.
Я определений слог эдемовский
Транскрипирую по-русски в основном.

Я тебя украшу... Это истинно...
Даже не хочу сказать – Аминь.
Чувство у меня давно расхристано;
Ты важнейшая сейчас из герцогинь.

Вы в беседке мне сказали: «Ты»,
Сократив дистанцию общенья.
Я бы мог не разрушать мосты
Даже в результате пресыщенья.

Я бы мог комедий не играть,
Я не ваш герой и не по списку.
Но в глазах у вас сплошная ять,
Сердце подвергающая риску.

Рвущееся сердце на куски
Разрывается всегда внезапно,
Словно было сдавлено в тиски,
И его не воссоздать обратно.

На губах помада, на ногтях
Лак с оттенком нежным перламутра.
Я у вас сегодня был в гостях;
Но ошибки исправляет утро.

Если есть желание во мне,
Значит я по сути недоумок.
Беспокоит страсть людей извне
В виде секса или полных рюмок.

Если ты ногой вступаешь в грязь,
Туфли выше каблуков запачкав,
В ней увязнешь до бровей и глаз;
Прихоть раздирает, как наждачка.

Говорят, что вредно не хотеть.
Только сам огонь порывов страстных
Выжигает разум; даже смерть
С ним в сравнении не так опасна.

Стань рабом желаний и умрешь,
С детства все рабы своих привычек.
Если сеешь маленькую ложь,
Станешь сатанинской добычей.

Но одна из мрачных перспектив –
Исповедничество Люцифера.
Даже в церкви место прихватив,
Рвется к власти черная химера.

Вроде бы и верно говорит,
Вроде бы и к таинствам причастна.
Но в ужасном пламени горит
И общаться с ней и то опасно.

Уничтожь своих желаний власть
И тогда познать сумеешь тайну.
Благодатью Бог тебе воздаст,
Не бывает благодать случайной.

Не иди у чувств на поводу,
Чувства прогорают, как солома.
Погружают чувства нас в беду –
Это, к сожаленью, аксиома.

А всего то нужно лишь не лгать,
На кусок доступный не бросаться
И страстям своим не потакать,
И душою чистым оставаться.

У контролерши темные глазищи,
Улыбка лучезарна и светла.
Пусть даже штраф с меня за что-то взыщет,
Отдам все до последнего рубля.

Владимирская мчится электричка.
Кто хлещет пиво, кто-то просто спит.
Я еду на работу по привычке,
А в сумке иглы, вата, йод и спирт.

Быть может запах сильный шел из сумки,
А, может, ей понравился мой взгляд,
Но с выраженьем на лице хитрюги
Два раза подошла ко мне подряд.

Дай Бог тебе, девчонка-контролерша,
И Ангела-хранителя в пути.
Поверь, что я не «заяц», я хороший,
Таких, как я, в России не найти.

Говорю тебе сегодня – «Здравствуй».
Завтра то же самое скажу.
Песни – это главное богатство,
Только им душой принадлежу.

Только в песне можно признаваться
Близким и родным своим в любви.
Неприметным призраком для глаза
Растворятся строки среди листвы.

Но они таинственно волнуют,
Беспокоят, не дают уснуть.
Если в песне я тебя ревную,
Значит не для красоты отнюдь.

Значит откровенно беспокоюсь,
Искренно приветствуя тебя.
Здравицу окрашивает голос,
Чувства твои нежно теребя.

Мир без песен холоден и мрачен,
Мир без стихотворцев людям враг.
Песенник с рожденья предназначен
В Богособеседнический ранг.

В эту осень темную, холодную
Ты вошла свеченьем золотым.
Ты вошла красивая, свободная;
Жаль, что мысли, как бесплотный дым.

Мысли все давно поперепутались,
Их хитросплетений не понять.
И желаний красочная живопись
Продолжает нас переполнять.

Кажется, звучит рефреном музыка,
Кажется, душа почти поет.
И в сознании моем акустика
Ноту каждую передает.

Пряди твои бесподобно светятся
И глаза сияют в темноте,
Золото заимствуя у месяца;
Ты в ответ смеешься ерунде.

Ерунда в сплошных моих фантазиях,
Ерунда в желаниях моих.
Чувства, словно некая оказия,
Разделенная на нас двоих.

Никто не скажет: «Это был лишь сон».
Во снах душа блуждает незаметно
Под запредельный ангельский шансон;
И может быть она великолепна.

Никто не властен над своей душой,
Он ни над кем и ни над чем не властен.
В мирах ведомый дивной Госпожой,
Является апологетом страсти.

Там страсть, не приводящая к грехам,
Там явственно другие алгоритмы.
В ночи покинув тела тесный храм,
К другой душе приходит полускрытно.

Душа стремится к таинству любви,
Исполненная высших проявлений,
Она несет звучания свои
По праву мессианских откровений.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТАНГО

Белых каблучков
Искрометный блеск.
Пламенных зрачков
Бешенный бурлеск.
Нежных рук изгиб,
Словно два крыла.
Чтоб он не погиб,
Птицей ты была.

Это танец звезд, грации полет,
Взрыв весенних грез и январский лед.
В грохоте лавин барабанов дробь,
В красоте картин мировой потоп.

Стройных, нежных ног
Напряженный шаг.
Яростный рывок –
Огненный очаг.
Ритмов фейерверк,
Танго волшебство –
Бессловесный крик
Сердца твоего.

ЛАБИРИНТ ЛЮБВИ

Я не знаю, где я найду свой мир,
Где любовь моя – мой ориентир.
Душу рвет в куски множество картин
И сквозь них ведет трудный лабиринт.

Лабиринт любви – страшный лабиринт,
Лабиринт любви – в нем я вновь один.
Рядом ты была ровно миг назад,
Лабиринт любви – мой и рай, и ад.

Я срываюсь в крик, к свету я тянусь,
По вискам стучит орлеанский блюз.
Мне ему подпеть или подкричать?..
Только не молчать, только не молчать.

На потом нельзя оставлять любовь,
Я сказал, увы, слишком много слов.
Правы те из нас или неправы,
Кто идут сейчас в лабиринт любви.

Любовь не разменяешь на потом,
 Сдавая сам себя в ненужный съем,
 Отшучиваясь, будешь лицемерить.
 Стремясь найти заветное число,
 В душе разбудишь дремлющее зло;
 И в клочья разорвут тебя химеры.

И для сопротивления уже
 Сил не найдется в стонущей душе,
 Она беспрецедентно злополучна.
 Ее лохмотья тлеют и смердят,
 Ведь без любви ты пал в крошечный ад;
 Ты разделен в себе пилой двуручной.

А что в остатке? Только страх и стыд,
 Упреков грязь и марево обид,
 И пакостное подленькое чувство.
 Возможно, внешне ты почти король,
 Но это лишь играемая роль,
 А, в сущности, твоей кончины буйство.

Девушка сидела у окна;
 Город спал в предутренней прохладе,
 Лишь парнишечка на колоннаде
 Выводил смешные письма.
 Видимо, писал он для нее,
 Потому что сердце волновалось.
 Эта пылкая святая шалость
 Даже разогнала воронье.

Город спал. В прохладной синеве
 В воздухе любовь торжествовала.
 И сквозь облачное покрывало
 К девушке струился мягкий свет.
 Устремляясь к ней душой своей,
 Он искал окно ее глазами
 И, тряхнув упрямо волосами,
 Растворился в тишине аллей.

Беременная женщина прекрасна,
Святого Духа в ней великий свет.
В ней таинство вершится ежечасно
И Ветхий во единое Завет
Сведен мистически с Заветом Новым;
В ней творчество великое Творца.
Не могут быть нарушены основы
Божественной премудрости Отца.

Беременность и альфа и омега,
И мира совершенство, и закон,
Венец существованья человека
Нам переданный Богом испокон.
Допущенное Евой и Адамом
Исправить человечество должно
Деторождения аспектом главным –
В нем основное нам отведено.

В сплошной завесе дождевой
У стен с расцветкой шоколада
Парил он ярко голубой;
И цвета спелого граната
В руке держал прозрачный шар,
В котором пламя колыхалось.
Струился свет на тротуар,
Где твердь с водой соприкасалась.

Дождя сплошная пелена
В декоре неземного света
Была иллюзии полна
Со вспышками люминисцента.
Зачем пришел он в этот мир?
Кого искал, к кому стремился?
Струн дождевых задев клавиш,
В них незаметно растворился.

Однажды в парке выступал ботаник,
О свойствах трав различных размышлял.
Он умный парень, только не Титаник,
И девушек почти не впечатлял.

А впрочем, разобрав самцов, девчата
Не очень долго радовались им.
Один подвижничал, как сам Курчатов,
И стал светиться, словно херувим.

Другой во время силовых моментов
Подвинул что-то в области крестца.
И в поисках поддержки и ответов
Любовь жены утратил до конца.

А наш ботаник стал известным слишком
И очень уважаемым притом.
И в прошлом титаническом мальчишском
Пришлось отправиться к нему бегом.

Характер мой ужасен иногда,
Я сам себя с трудом терплю порою.
Списать все на занудство и года
Получится едва ли, ведь не скрою
Тот факт, что я действительно упрям,
Тот факт, что я действительно настырен,
Душой высокомерен, как Приам,
И в тоже время прозорлив, как Сирий.

Я женщину расценивать могу
По мною установленным расценкам.
Когда меня расценивают, лгу,
Взгляд устремляя к бедрам и коленкам.
Я щепетилен в качествах вещей,
А в чем-то не особенно разборчив.
Я видоизменяем, как ручей,
Взрывоопасен, вспылчив и отходчив.

Ты сказала: «Забудь про меня...»
Предложила: «Забудь и не думай...»
Словно должен на время я снять
Элементы дневного костюма.

И грустинка мелькнула в глазах,
Двери поезда отгородили
Образ твой. На гигантских весах
Две судьбы, две великие силы.

Позабыть – это значит предать,
И не думать кошунство по сути.
Чувства нас заставляют страдать
При разлуке на первой минуте.

Я стоял и казалось, что нож
Полоснул по душе и по чувствам.
По спине неприятная дрожь
Проскользнула, рождая безумство.

Гадость сумрачную поборов,
Обращаясь молитвенно к Богу,
Я спросил: «Если я нездоров,
Ты к какому ведешь нас итогу?»

Бог ответил, Он не промолчал.
«Ты восстал... Ты бунтуешь, писатель.
Я тебя провожал и встречал;
Ты – Мой голос. А Я твой создатель.

Если счастье твое отберу,
Захлебнешься в несчастье и горе.
Расставания горечь запру
На запретнейшей из территорий.

Не волнуйся. Иди и твори.
А она на Моем попеченье.
Озарит тебя Свет изнутри,
Чтоб стихи золотились свеченьем».

Золотоволосая богиня
 Артистично прыгнула в авто,
 Прядь на лбу поправила картинно,
 Завела свой дорогой «Фантом».

Помахала мне рукой зачем-то,
 Словно мы знакомы много лет,
 Словно в качестве эксперимента
 Я за ней поехать должен вслед.

И чему-то улыбаясь нежно,
 Укатила в утреннюю синь.
 Ей же вслед пристроился поспешно
 На «Субару» толстый гражданин.

Если пить вино, то в «Пеперони»,
 Самый вкусный кофе тоже там.
 Вас и ваш бумажник не затронет
 Интерес гламурно хитрых дам.

В «Пеперони» тихо и уютно
 Можно быть наедине с собой.
 Если на душе и сердце мутно,
 Путь туда укажет Вам любой.

В «Пеперони», если приглядеться,
 В воздухе витает волшебство.
 Праздник здесь особенный для сердца
 И для аппетита баловство.

После угощения по-царски
 Навсегда запомните, что здесь
 Побывали вы в гостях у сказки,
 Унесли с собою часть чудес.

Сисадмин расстроился немножко –
По пути в метро порвал штаны,
Накануне заболела кошка,
У жены критические дни.

На работе Светочка-коллега
На сорочку выплеснула чай.
В страстном монологе об Айвенго
Этот жест случился невзначай.

Сисадмин совсем не неврастеник,
Духом пал и вовсе загрустил.
В довершение в тот понедельник
Он в компьютер вирус пропустил.

Но хвала толковому начальству!
Шеф налил бедняге коньяка.
«Пей, – сказал, – расслабься, не печальствуй
И возьми отгул на два денька».

Дома сисадмин лежит с газетой,
Кошка вновь бодра и весела,
И жена пришла к нему раздетой,
Чтобы выровнять его дела.

Куда в порядке пешем ходим мы,
И папа Римский, и король испанский?
В то место отправляли нас детьми;
Мой друг, к примеру, там читает сказки.
Другой мой друг грустит под Натали,
Наверно с ней ему светлей и проще.
Повесив репродукцию Дали
На дверь, подруга стать решила тощей.

Там персонализировано все,
Любая мелочь служит для удобства.
Хранит знакомый томик Доризо,
А в нем закладка с темой первородства.
Один дотошный, ушлый журналист
Спросил меня: «Где утром пьете кофе?»
Я мысленно подумал – вот садист!
Еще к тому же настоящий профи.

Но в это место я его отвел...
Он просто задохнулся от восторга,
Расчувствовался, выпил корвалол
И Кафку вспоминал довольно долго.
У нас у всех есть личные места,
Которые мы часто посещаем.
Пусть суть характера и не проста,
Но там все проще между сном и чаем.

Милая глазастая девчонка,
Уронив случайно крем-брюле,
Маму ввергла в состояние шока,
Сладость ведь отнюдь не на столе.

Эта липкая сплошная масса
Из девичьих шаловливых рук
Пала мне на брюки и гримаса
Отразила всю палитру мук.

Извинить ребенка мне не трудно,
Женщину я тоже извиню.
Только представляю очень смутно
Путь по Пресне в сторону мою.

Хоть в трусах садись за руль машины!
Что, по меньшей мере, не грешно.
Но инспекторы ведь все мужчины,
Им не знаю, мне же не смешно.

Женщина, схватив с водой бутылку,
Стала мне штанины обмывать.
Что-то говорила очень пылко,
Благо – брюк не попросила снять.

День был пасмурный, но не холодный.
Мокрое обширное пятно
Выглядело далеко не модно,
И будило домыслы оно.

Люди понимающе кивали,
Сопереживали мой позор.
А один душевный генацвали
Вслух предположил, что я актер.

Я бежал к машине, словно кто-то
По пятам преследовал меня.
Гид туристам объясняла гордо,
Что традиция заведена

Для прохлады с мокрыми штанами
Бегать в день рабочий по делам.
Я бы ей ответил – этой даме,
Но уехать торопился сам.

Так что с крем-брюле опасны шутки
В детских полных шалости руках.
Всем совет – пусть будут промежутки,
Если речь идет о пустяках.

На перине из душистой хвои
 Дремлет притомившийся грибник.
 Где-то в чаще волк протяжно воет,
 Изумруды нежных земляник
 Барсучок прилежно собирает,
 Хрюкая, вздыхая и сопя.
 Вглубь речную, хохоча, ныряет
 Берегиня освежить себя.

А ее сестра на пень присела,
 Сон спокойный парня стережет,
 Делает венок из чистотела
 И старинный сказ ему поет.
 Из оврага огненная кошка
 К песне вышла, чтоб на белый свет
 После мрака поглядеть немножко
 И найти, возможно, чей-то след.

Парень дремлет и наверно видит
 В сновидении родную мать,
 Гибкий стан своей соседки Лиды
 И обеих их спешит обнять.
 Вот проснулся. Волшебством заката
 Лес объят, как золотой канвой.
 Машет из-за дуба в три объвата
 Берегиня вслед ему рукой.

ТАНЕЦ ДЕВЫ

Танцует дева на мозаичном полу
 В полупрозрачном балахоне.
 Мелькают золотые вспышки по стеклу
 И чей-то голос тихо стонет.

Движенья девы, до экстаза доводя,
 Влекут и к высшему блаженству.
 Аккомпанирует ей музыка дождя,
 Возводит танец к совершенству.

И дева движется, и недалек тот миг –
 Невероятности миазмы
 Проникнут в мир, когда войдет он в высший пик
 И содрогнется от оргазма.

ВОРОН

Ворон дремлет, сидя на скале,
 Когти сжали каменную кромку.
 Барс внизу могучий околел,
 Но над ним склонила одиноко
 Самка барса голову свою,
 Отдавая дань любви великой.
 Неповадно будет воронью,
 Кровожадность их большой ошибкой.

Ворон мелких родственниц мудрей.
 Скоро траур кончится у самки,
 Падальщик разгонит всех зверей,
 И насытят сладкие останки
 Алчущее жадное нутро,
 А пока и подремать невредно.
 Ворону скала сейчас, как трон,
 И с него взирает он победно.

Вот уж утро. Ворон ночь проспал.
 Вниз взглянул – ушла куда-то самка,
 Но и труп негаданно пропал,
 Словно растворился без остатка.
 Падальщик задумался на миг,
 Потоптался, направляясь к взлету.
 Полетел он к роще напрямик,
 Чтобы завершить свою охоту.

Твой вопрос почти напрасен,
 Я не сочиняю басен,
 Песни иногда пишу.
 Для тебя, мой милый ангел,
 Вписываю в гладь бумаги
 То, чем в Вечности дышу.

Огненный характер строчек
 Лишь подчеркивает почерк,
 Нам с тобой и не понять
 Из каких миров и далей
 В виде песен их прислали;
 И не нужно это знать.

В сочетании желаний,
 В ритме страстных колебаний
 Песню выстрадаем мы.
 Это не эфирный мусор,
 Созданный без чувств и вкуса
 Бесталанными людьми.

В том, что мною создается,
 Мощь протуберанцев Солнца
 И движение планет.
 Проживая жизнь такую,
 Правила я сам диктую,
 Потому что я поэт.

Из неизвестности пришел Он в этот мир,
Он миру нес божественное слово.
Но люди ищут не канон, а сувенир,
Растрчивая время бестолково.

Он говорил и ничего не повторял,
Знал наперед – бессмысленны повторы.
Он неумущим тайны мира доверял,
Гася завистливые разговоры.

Как добрый сеятель, разбрасывал вокруг
Познаний вечных золотые зерна.
И было сказано, что возлюбивший – друг,
И также назван злобный враг позорный.

Но слово истины определяет власть!
Триумвират лжецов заволновался,
Признать его – самым элементарно пасть,
Уж лучше б плотник плотником остался.

Всегда используется против правды смерть,
Хотя она трехмерно иллюзорна.
И если сможем за пределы посмотреть,
Ее существованье очень спорно.

Лишь одержимый и обманутый глупец
Надеется, кого-то убивая,
Помехам жизни положить скорей конец,
Но он в обойму дьявола впадает.

Над словом истины у смерти власти нет,
Как нет у смерти хоть какой-то власти.
Она лишь просто переходный компонент
С мистификацией дешевой страсти.

Взойдя на крест, природу смерти изменив,
Он человечеству открыл дорогу
Туда, где Вечности торжественный мотив
Приводит нас к Отцовскому порогу.

Ты соломенное нежное дитя
С золотистой пышной шевелюрой.
Я с тобою говорю слегка шутя,
Речь моя с бессмыслицей сумбурной.

Я почти высокомерен – это факт,
По-мужски слегка харизматичен.
Но в душе моей какой-то кавардак,
И поэтому я не этичен.

Я наверно твою солнечность боюсь,
Остро реагируя на что-то.
И, скорей всего, мой аритмичный пульс
Выдает меня как идиота.

ПРЕДОСЕННИЙ ВЕЧЕР

В этот вечер предосенний
Мы сидим с тобой вдвоем.
Полусумрак красит стены
Краской темной в основном.
Мы молчим. Лишь отсвет красный
От каминного огня
На щеках пятнообразно
У тебя и у меня.

Этот вечер мне в подарок,
Этот вечер твой и мой.
Пусть подарит нам гитара
Романтический настрой.
В этот вечер мир огромный
Совершенно невелик.
В этот вечер я нескромно
В тайну женскую проник.

И живой огонь каминный
Сказку красного вина
Делает настолько дивной;
Только лишь для нас она.
И дороже нет подарков,
Нежели твоя любовь.
Вечер так неодинаков
Среди прочих вечеров.

Разыгралась непогода за окном,
Дождь июльский барабанит в стекла.
Пузыри на тротуарах ходуном
И Пречистенка насквозь промокла.

Сквозь стеклярусность летящих водных струй
Под зонтами серые фигуры
В виде полусимволов-полустатуй,
Зябко и скукожено понуры.

Гром июльский сотрясает небосвод,
Ткань небес на части полосая.
Карандаш в моей руке – громоотвод,
Я грозу в свою тетрадь рисую.

Я чего-то недопонимаю
В женской психологии, увы.
Если говорю ей нежно: «Мяу»,
Явно намекая о любви,
Может женщина оскалить зубки
Или даже может укусить.
В качестве веселой прибаутки
Посоветует душой остыть.

Женские советы интересны,
Их нельзя буквально понимать.
Если мы для них слагаем песни,
Значит, их стараемся познать.
В женском «нет» всегда сосуществует
Полунамекаемое «да».
Опыт предков нам рекомендует
С «нет» не соглашаться иногда.

Поздние осенние цветы
 Соберу в букет для поздравленья.
 Для меня неважно без сомненья,
 С кем проводишь этот вечер ты.

Пусть твои желания чисты...
 Это только лишь тебе известно;
 Если даже между нами бездна,
 Я дарю тебе свои цветы.

Я пространство в сгусток собираю,
 У меня на это много власти.
 Отрекаясь от желанной страсти,
 Ухожу в межзвездную дыру.

Правила банальны и просты –
 Получаем то, чего достойны.
 Я, проигнорировав препоны,
 Подарю тебе свои цветы.

В доме пахнет свежим молоком,
 Пирогам и пшеничным хлебом.
 Некому будить меня звонком,
 В День Рожденья я для всех неведом.

На плите яичница шкворчит,
 Сдобренная салом и беконом.
 Кошка озабоченно мурчит
 На кошачьем языке исконном.

Ощущаемый душой уют
 В это утро умиротворяет.
 Только слышно – ангелы поют,
 Флейта где-то в небесах играет.

Предрассудками душа богата;
Даже циник верит в груз примет
И гадает – как ложится карта
В этот или же иной момент.

Сплеываем трижды, верим в кошек,
Зашиваем числа за подклад.
Но любой из нас колюч, как ежик,
Если кто заденет невпопад.

Головой к дверям нельзя ложиться,
Пить из чашек с трещинами чай.
За порогом сыплется горчица,
Чтобы дом не сглазить невзначай.

В пятницу нельзя куда-то ехать,
Отпуск однозначно пропадет.
Рассказала мне когда-то Пьеха
Пятничный французский анекдот.

Кто-то верит в разные приметы...
Мы язычники; любой из нас,
Чтобы исключить из жизни беды,
Друга без сомнения предаст.

Друг мой! Не гоняйся за любовью,
И она тебя сама найдет.
Положи лишь только к изголовью
Чистый, неисписанный блокнот.

Будут сны, как телесериалы,
Их старайся не запоминать.
Там статистики разные сыграли,
Может появиться даже мать.

Основной твой сон случится позже...
Мусор из сознания уйдет,
Станешь ты спокойнее и строже,
Как надменный стражник у ворот.

Вот тогда и заполняй страницы
Тем, что память выцедит из сна.
Ты во сне преобразился в принцы
И тебе принцесса суждена.

Мы часто верим в знаковые встречи,
Вкрапляем в гладь бумаги письма.
В изысканные обороты речи
Привносим дорогие имена.

Мы доверяем красоте открыток
Желаний тайну, мысленный посыл.
Пьянеем, словно выпили напиток,
И ждем, чтоб кто-то что-то попросил.

Мы жаждем подчинять и подчиняться,
Задабривая Бога и святых.
Выспрашиваем предсказаний старца,
Душой своей не очень веря в них.

Измученные пеленой сомнений,
Вкусить стараемся запретный плод.
И верим в волшебство местоимений,
Приписывая им заветный код.

О, как же нас пленяют результаты,
Когда стремятся нами овладеть.
Подспудно легкому нахальству рады
И ожидаем продолжений впредь.

Хотим вести кого-то за собою,
Хотя за кем-то следовать не прочь.
Окрасив одиночество тоскою,
Порой бессонно коротаем ночь.

И вроде все прекрасно понимаем,
Но всей душой своей мы ждем чудес.
Хотя в реальности суровой знаем,
Что проживаем жизнь сейчас и здесь.

Для нежности все правила просты,
Не нужно ей фрейдистских оправданий.
Уходит кто-то в область пустоты,
В самом себе сгорая от страданий.

Но нежность пустоты не признает,
С небес другого Бог избрать изволил.
Но избранным неведом месяц, год –
Срок исполнения небесной роли.

Насколько ограничен человек
В потоке лет возможно убедиться.
Он может знать лишь только пару вех,
Чтоб в нежности душой не заблудиться.

ПАРАЛЛЕЛИ

Передвигая множество фигур,
Транжиря в суете своей недели,
Устав от диссонансных увертюр,
Мы попадаем с кем-то в параллели.

Возводим в степень, во главу угла
Все то, что констатировать хотели.
Но тают за зеркальностью стекла
Невидимые глазу параллели.

И муторно бывает иногда
От тех нюансов, что желать посмели.
Уводят нас в другие города
Незыблемые наши параллели.

И чехарда необходимых встреч –
Лишь всплески чувств, которые сгорели.
Предпочитаем ревностно беречь
Устоев и привычек параллели.

РЕКВИЕМ

Они свой путь в бессмертие прошли,
Как мученики с верой, по геройски.
За исповедание их не жгли
И их тела не рассекали розги.

Но мужество великое в делах,
В служении своем святой отчизне.
Авиалайнер, вздрогнув в небесах,
В глубины вод унес людские жизни.

Недолюбивших в вечность он унес...
Разомкнуты границы измерений.
Владыке ада выплатил свой взнос
Неведомый какой-то злобный гений.

У мучеников лучезарен путь!
Господь достойных сразу принимает.
И не удастся грешникам вздохнуть,
Как это было некогда в Синае.

Оставшиеся! Помните о них!
Ведь память – это связь с иным пространством.
Ушедшие вернуться в ваши сны,
Чтоб подарить любовь и постоянство.

Они ушли не просто так от нас,
В час роковой упав в морские воды.
Их мученичество подарит шанс
Объединить в молитве все народы.

Я слишком долго шел к тебе,
Чтоб повстречавшись, отказаться.
В моей записано судьбе
Войти в твой дом и в нем остаться –
В моей записано судьбе.

И мне вчера сказала ты,
Что ждать всегда бывает трудно,
Что от вечерней пустоты
И тяжело, и неудобно –
Так мне вчера сказала ты.

А я смогу преодолеть
Реалий грубые законы.
Я даже презираю смерть,
Иду сквозь тернии спокойно –
Я все смогу преодолеть.

О, как прекрасен этот миг,
Когда мы, наконец то вместе!
Когда дверей твоих тайник
Укроет нас в укромном месте,
О, как прекрасен этот миг!

Я прощаю воздушных людей,
 Безразличных, протухших в цинизме,
 Испоганивших в гонке идей
 Сверхбесчувственные организмы.
 Опыняет их шорох рублей,
 В добывании денег катарсис.
 В каждом, в каждой сидит бармалей,
 Создающий свой личный оазис.

Замышляется вроде бы рай
 Для себя и персон тех, что рядом.
 Но в фундаменте рая раздрай,
 И попахивает жутким адом.
 Символизмом крестов и икон
 Тот, кто равен душою Иуде,
 Попирает древнейший закон,
 Ведь он в касте – воздушные люди.

У воздушных людей суррогат
 Содержание их бренной жизни.
 Пальцем ткни и любой просто гад,
 Изощренный подлец закулисный.
 Я прощаю воздушных людей,
 Ведь в прощении суть благодати.
 В век безумия и скоростей
 Я спасу хоть кого-то от страсти.

Я тебе раскрою свой секрет,
 Если дискутировать не станешь.
 Плюнуть можно на любой портрет,
 Но вопрос один – плевком достанешь?

Можно порчу даже навести
 Или постараться с приворотом.
 Но в огромной книге есть листы,
 Где тебя опишут сразу оптом.

Каждый миг и мимолетный взгляд,
 Мысль промелькнувшую и слово –
 Все писцы на небе отразят;
 Ты себе не представлял такого?

Я тебе раскрою свой секрет –
 Просто знаю больше, чем другие.
 Я великим таинством согрет,
 Таинством прекрасным литургии.

МАСЛЕНИЦА

За дверями голоса веселые,
Смех девчонок, гогот пареньков.
Доставай-ка, мать, всем кружки новые
И скорей выкладывай блинов.

Масленица по России шествует,
Самый добрый праздник на земле.
Мы с блинами, песнями и трезвые
Будем веселиться хоть в Кремле.

В перепляс мы всех вовлечь стараемся –
Пусть глава страны, пусть тракторист.
Да, и в принципе, какая разница?!
Танцевать не можешь? Веселись!

В Масленицу души окрыляются,
Наполняясь светлой добротой.
Даже ангелы с небес спускаются
В этот светлый праздник золотой.

ПРОЩЕННОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Прости меня за то, что был смешон,
Прости за то, что промолчал когда-то,
За то, что лез некстати на рожон
И вел себя порою странновато.

Прости меня за то, что забывал
С похмелья утром попросить прощенья.
Грехов наверно двадцать пятый вал
Меня ввергал почти в опустошенья.

Прости за все. Ведь этот светлый день
Пространство Бога в нас приоткрывает.
Наследники традиций и систем,
Стремимся быть при общем караване.

И будем мы, однако, прощены
За то, что сами ближнего прощаем.
Мы в тайну бытия посвящены,
Но бесконечности не ощущаем.

Мы в этот день прощаем все и всех,
Порыв своей душою озаглавив.
И постигая новый свой успех,
Касаемся частицы Божьей славы.

НАСТАВЛЕНИЕ ОТ СУФИЯ

С женщиной, мой друг, не нужно спорить,
Даже если ты стократно прав.
И тем паче, если в коридоры
Вышли вы, по времени совпав.

Женщина всегда признать готова
Истинным лишь мнение свое.
Это вроде полуерундово,
Но покоя людям не дает.

Мнений остальных она не слышит,
Правильности их не признает.
Женский эгоизм вроде грыжи,
Он всегда в пропорциях растет.

Дай свободу ей пошибаться,
Но свободу тонко ограничь.
С женщиной ты в роли новобранца,
Будь всегда разумным и не хнычь.

И запомни, женщина ошибки
На другого с легкостью спихнет.
Ведь синдром неуловимой рыбки
Загоняет всех вокруг в цейтнот.

Невозвращаемость потерь
Всегда для нас категорична.
И все по-своему трагично,
Когда мы закрываем дверь,
Отгородившись от простых
Не нами выдуманных правил;
Ведь кто-то людям нас представил,
А мы обманываем их.

Придумав множество заслуг,
Что, в общем-то, смешно и глупо,
Мы ждем, что выделят сугубо
Нас из среды обычных слуг.
А кто, простите, господин?
Не тот ли важный провокатор?
Ведь каждый человек – диктатор,
Не поумневший до седин.

И снова множество потерь
Из-за привязанностей наших.
Фиксируя «на карандашик»
Баланс «что до и что теперь»,
Мы начинаем понимать:
Фанаберичное господство
Ни что иное, как уродство,
Но нужно этот факт принять.

Между тем, чтоб знать, хотеть, владеть –
 Низменность желания на треть,
 На другую треть извечный поиск.
 Если мы рассматриваем факт,
 Что порой идем через бардак,
 Значит, снова где-то прокололись.

Значит для желания любить
 Людям свойственна такая прыть,
 Разум в этом плане не советчик.
 Раскорябав свой душевный пласт,
 Ждем – когда Всевышний нам воздаст;
 Чувства наши – наш автоответчик.

Я дарю тебе, красавица, пионы,
 Снежно-белые пахучие шары.
 Я не зря поторопился из Сорбонны,
 Чтоб успеть преподнести свои дары.

Я не зря назад в Россию торопился,
 Нет прекрасней лета средней полосы.
 Мне лукавила, прощаясь, Кандолиза,
 Прославляя тайну пармской лозы.

А у нас зато вино из ежевики –
 Чудо древнее черниговских славян.
 В этом сладком удивительном напитке
 Символ крепости и молодости дан.

Сквозь стекла храм был солнцем озарен.
 Вечерня шла по ангельскому чину,
 И будто крыльев шум со всех сторон
 Являл благоговения причину.

Они стояли возле царских врат,
 Сияя запредельным ярким светом.
 И каждый ангел прихожанам рад,
 Хотя любой из них для нас неведом.

Но девушки, поющие для нас,
 Как отраженье ангелов небесных.
 Ведь в сочетании священных фраз
 Мне слышатся давидовские песни.

О НЕКОТОРЫХ ЖЕНЩИНАХ

Не мечите бисер, не мечите,
 Недостойных сотня к одному.
 Ведь стремление к самозащите
 Загоняет чувственность в тюрьму.

Если разбросать под ноги бисер,
 Просто так его не соберешь.
 Ведь пространственный огромный миксер
 Смешивает истину и ложь.

Не ищите женщин, не ищите,
 Сам не знаешь ведь – кого найдешь.
 Если с женщиной переборщите,
 В сердце всадите острейший нож.

Возникает вектор сумасбродства –
Оценить хочу твое меню.
У меню мистическое свойство,
Я в тебе сегодня утону.

Я тонуть хочу бесспорно присно
С выбросом моих душевных сил.
Только не напоминай капризно,
Чтоб ведро я срочно выносил.

И не нужно мне других заданий,
Коиx десять на один момент.
В подвигах душевных созиданий
Явно мазохистский элемент.

Мне кажется, рисунок на стекле
Прозрачным должен быть и незаметным.
В своих записках намекал Тарле
О собственном познание трансцендентном.

И вот, рисунок этот он сравнил
С первичным отражением в пространстве.
Ему помог архангел Гавриил,
Подсказку дав о вечном постоянстве.

О постоянстве неприметных форм,
О постоянстве видоизменений.
Ведь в нарушении привычных норм
Себя обычно проявляет гений.

У пальчиков загадочных твоих
 Невероятно сказочное свойство.
 От вывертов никчемных и кривых,
 От глупого, фальшивого пижонства
 Они спасают нежной теплотой
 И мистикой твоих прикосновений.
 В осенний вечер этот золотой
 Ты для меня – как тайна откровений.

Твои ладони излучают свет,
 Я их хочу исследовать губами.
 Я наблюдаю множество примет,
 Сейчас происходящих между нами.
 И осень нам потворствует сполна,
 Осенние мелодии прекрасны.
 Необъяснимой нежности волна
 Сознание захватывает властно.

Да, мне мой разум не помощник,
 Он ищет упрощенных схем.
 Он истины святой источник
 Не станет разделять ни с кем.

Он, захлебнувшись необъятным,
 Любви не сможет объяснить.
 Высокомерием стократным
 Ему себя не изменить.

Мой разум слишком примитивен
 И в то же время изощрен.
 В высоких чувствах он противен,
 Но с искренностью сопряжен.

В конфликтах внутреннего свойства
 До экзальтаций доходя,
 Я сам источник беспокойства –
 Мужчина, но в душе дитя.

Я спать люблю, конечно, нагишом,
Избавив тело от трусов и маек.
Пусть плоть терзает простыни ножом,
Она всегда опасна для лентяек.

Бесмысленен о прочем разговор,
Хотя мы все идем от осуждений.
И сразу нас одолевает хворь,
И прячемся от легких дуновений.

И поиск гармонических начал
Проходит в беспокойстве и волненьях.
Когда я чем-то женщин огорчал,
Они сидели на моих коленях.

В характере у некоторых женщин
Капризы не случайная черта.
Изгибы нежных пальчиков, как клещи,
Сдавить способных горло у шута.

Пусть шут был знаменитым и народным,
Лишь женщине известно кем он был.
Нижнеэтажно став почти свободным,
Скорей всего, ей недоугодил.

И зачастую милая красотка
Ногтей клинками сердце в клочья рвет.
Спасают от нее друзья и водка,
А для трусливых пиво и сканворд.

Я утонуть хотел бы в именах,
 Я утонуть хотел бы в адресатах.
 Я вижу иногда в красивых снах
 Благословленных Богом и проклятых.

Я в некотором смысле поводырь,
 Палач, судья и, в общем то, защитник,
 По-своему трактующий Псалтырь,
 Молитвенник, но далеко не винтик.

Я тот, на ком колышется судьба,
 На ком она всегда стирает когти.
 Я выше квинтэссенции раба –
 И ты ко мне придешь однажды в гости.

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

В коричневатых водах Иордана
 Он принимал крещение свое.
 Вода стекала с пальцев Иоанна,
 И слышно, как хор ангелов поет.

И вдруг с небес слетает голубь белый,
 И глас Господний слышит Иоанн:
 «Сей Сын Мой есть! И пусть во все пределы
 Мой промысел предвечный будет дан».

Предтеча проложил пути Господни
 И в воды мира благодать сошла.
 Поэтому мы дерзостно свободны,
 Поэтому мы не боимся зла.

ЖЕНСКАЯ УЛЫБКА

В улыбке женской есть нетленный свет –
Сияние души, пульсар сердечный.
Одна из равноангельских примет
Проявится внезапно быстротечно.

Улыбка – фактор вечной красоты,
Она всесовершенна и бесспорна.
И счастлив тот, чьи помыслы чисты,
А сердце женской красоте покорно.

Стремленье женской красотой владеть
Ущербно, разрушительно и гнусно.
Владычество мужское – это смерть,
Душою овладевшая искусно.

Мужской гордыне оправданий нет,
Как равенства в любви не существует.
Мужчина ищет жизненный ответ,
А женщина его судьбу рисует.

Хотел бы я беречь своих друзей,
Хотя безжалостно расстался с ними.
Они рвались в достоинство ферзей,
Но оставались пешками нагими.

Они хотели в жизнь мою войти,
Чтоб бесконечно в ней распоряжаться.
Однако с ними мне не по пути,
К предателям опасно приближаться.

Друзья такие хуже, чем враги,
Увы, за них молиться тоже нужно.
Они свои бессчетные долги
Перепихнуть готовы равнодушно.

В конечном счете, это не друзья –
Приспособленцы, ищущие выгод.
В кругу таких предательством пронзят,
Смертельным будет их внезапный выпад.

Я все-таки хотел бы им самим
Пространство ими созданного ада
Страшнейшим фильмом показать цветным;
Жестоко? Но такое сделать надо.

Мне нравится свечение твоих глаз,
Мне нравится, что я объят свеченьем.
Что даже тьма ночная нам не даст
Познать укор и горечь огорченья.

Мне нравится тебе принадлежать,
И это счастье быть с тобою рядом.
Наверно будет огонек дрожать,
Сфотографированный нежным взглядом.

Счастливая улыбка опьянит,
И опьяненью нет почти сравнений.
Душа твоя – космический магнит,
Тебе благодаря я просто гений.

Пространством скорби управляю я,
Пространством счастья управляю тоже.
Не видящий сквозь время, не судья,
Но тот, чье слово дураков корежит.

Я здесь сейчас, а значит, время есть
При помощи моей справляться с гадством.
Когда наружу чванство, зло и спесь,
Увы, совсем сомнительно богатство.

Хожу я незаметным среди вас,
Но сказанное слово мир меняет.
Жизнь многих, как дневной киносеанс,
Экран погаснет – время все сминает.

Ни этих я не знаю, и не этих,
 Не признаю я в то же время тех.
 Один, как дорогуший семицветик,
 Из удобренных вылезший прорех.

Другой в мужском казалось бы обличье,
 Но он сориентирован, увы,
 На развращенный привкус заграничья
 С поправкой одночленовой любви.

А самый хитровыделанный третий,
 Скользить всегда готов во все концы.
 Он внешне иногда похож на денди
 И все расскажет вам о Лао Цзы.

Чтоб не заполучить удар по морде,
 Петляет среди первых и вторых.
 Готов служить любой наверно моде,
 Но без засветов в средствах основных.

Хотел бы посмотреть на вас опасную,
 На радостную и разнообразную,
 Взволнованную, искреннюю, томную,
 В порывах хулиганистых нескромную.

Любая женщина немного хищница,
 Но ведь она владелица, защитница.
 Не приведи Господь попасть в историю,
 На женскую проникнув территорию.

От конкурентки пшик один останется...
 Мужчине нужно научиться кланяться,
 Одаривая дорогую женщину
 Тем, что от Бога нам давно завещано.

Я наведаюсь, ребята, в Петербург
И в любимый мой отель с утра приеду.
На Васильевском живет давнишний друг,
Но у них выходят с галстуком к обеду.

Не скажу, что я по сути растямтай,
Но сажусь за стол я в джинсах и футболке.
Я люблю небритым быть, и я лентяй,
И еще к тому же пересмешник колкий.

Вот поэтому в любимый мой отель
Отправляюсь я с Московского вокзала.
Там моя лишь только будет канитель
Над «Столичной» водкой и ломтями сала.

Для друзей же есть другие адреса
Без влияния на личное пространство.
Там моя официальная стезя –
Суть поэта и почти что окаянство.

Наставничество есть особый дар,
Старик не каждый быть способен старцем.
Иной, увы, не только телом стар,
Он в разуме является засранцем.

С изгаженным сознанием итог
Один простой – пред нами маразматик.
Хотя он быть и дипломатом мог,
А может быть, известный математик.

А старчество есть линия ума,
Помноженная на духовный опыт.
Душа не в состоянии сама
Постигнуть мир; она познания копит.

И вот когда рубеж преодолен
И пройдена великая наука,
Сквозь призрачную пелену икон
Нисходит благодать Святого Духа.

Я как-то быстро веру приобрел
И сам себя в сомненьях заподозрил –
То мне пригрезился святой глагол,
То ладан мне щекочет нежно ноздри.

Казалось мне, что так не может быть,
Что Бог не сразу людям открывает
Пространство, чтобы как-то искупить
Людскую муть в греховном караване.

Но сердце невозможно обмануть –
И благодать обманкой не подменишь.
Когда уходит дьявольская муть,
Ты истину божественную ценишь.

Неважно, что дано тебе узреть,
Неважно, что дано тебе постигнуть.
Запомни – над тобой не властна смерть,
Когда ты веры храм сумел воздвигнуть.

Когда никто не приезжает в гости,
И стол накрыт, но пусто за столом,
Когда никто не произносит тосты
И хочется напиться за углом,

Не дай вам Бог ютиться в доме этом,
Не дай вам Бог не принимать друзей.
Не очень доверяю я приметам,
Но воздух странно пахнет без затей.

И слуг бы выслал я на перекрестки,
Чтоб проходящих пригласить за стол.
Но слышу окрик за спиной жесткий:
«Чего придумал? Что, с ума сошел?»

Как много добрых устаревших слов
 В гордыне человеческой забыты.
 Для дурью фаршированных голов
 К заимствованиям все пути открыты.

История народа ведь в словах,
 Культура, память, отношенье к Богу.
 А в попугайно-глупых головах
 Шлак терминов, ведущих к эпилогу.

И если кто-то на других кивнет –
 Мол, вот они всем говорят о том то.
 Напомню, что Адам был идиот,
 «Сгоревший» от змеиного экспромта.

Любому нужен чей-то комплимент,
 Пусть не заслуженный и не правдивый.
 Но качественно он, как элемент
 Какой-то отдаленной перспективы.

Мы утром в день не можем заглянуть,
 Не говоря о вечере и ночи.
 Пусть кем-то предопределенный путь
 И был когда-то мудро укорочен.

Но все же уповаем на прогноз,
 На то, что Бог нас оценил неверно
 И в клуб особо избранных не внес,
 И попустил во снах бывать в инферно.

А комплимент приподнимает вверх,
 Жизнь наполняя смыслом и значеньем.
 И как-то очень верится в успех
 И в связанное с ним обеспечение.

Если хочешь бегать стометровку,
Лежа жим успешно исполнять,
Ешь хотя бы иногда перловку –
Будет самой сильной твоя ять.

Если силой удивить желаешь,
Больше слушай, меньше говори.
В золоте молчания есть залежь
Сил, в которых даже мрак горит.

И запомни – с теми, с кем ты рядом,
Нужно оставаться лишь собой.
За улыбкой часто слюни с ядом
Лицемерно прячут под губой.

Пусть твой разум будет отстраненным
От хулы и всяческих похвал.
Пальма первенства на небе скромным,
А пронырам огненный подвал.

На первый взгляд ты не совсем красавица,
Но все ж твоя фигура хороша.
Пусть сексапилки страстные расслабятся –
Вне конкуренции твоя душа.

Все миловидные, супругам верные,
Держали Русь в заботливых руках.
А сладострастные свистульки нервные
Предательски витали в облаках.

В вас сила вечная, вы с супостатами
Шли с вилами порой наперевес.
Вы, всеми ненавидимые гадами,
Несли покорно свой великий крест.

Могущество России в наших женщинах,
Пока вы есть – страну не одолеть.
Им Богом было издревле завещано
Суметь прогнать с порога даже смерть.

Не очень то люблю дарить цветы;
Несешь в букете срезанную нежность.
В букетах прячется фантом беды,
А в ней и лжи, и боли центробежность.

Порою лицемерие в цветах;
Как будто святотатствующий грешник
Танцует сальсу на чужих костях,
Расплевывая косточки черешни.

Он маскирует свой животный страх,
Неуправляемые злость и зависть.
Его кладбищенский пугает прах,
Ведь старость с немощью уже подкрались.

А в жизни прожектёрства шелуха,
Желание прожить за счет кого-то.
Но планетарная душа глуха
К запросам и замашкам идиота.

Лохмы у нее смешные просто,
Расфуфыренные, словно хоста,
На предплечье красная тату.
В области колен на джинсах дыры,
А в глазах лукавый блеск проныры,
Действующий даже за версту.

Носик ровный, греческая норма.
С ней общенье – ожиданье шторма,
Но в причудах девушки любовь.
Просто повыпендриваться хочет
И некстати иногда хохочет,
Чем-то привлекая вновь и вновь.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТИНЫ

Сначала словно символ, полу признак,
Имея лишь приятный аромат,
Внимания потребовав капризно,
Приносит мне созвучий вариант.

Проникнув в сердце, там обосновалась,
Являя над душой моею власть.
Протестовать почти не полагалось –
У нас всегда мистическая связь.

Ломая ритмы, что-то искажая,
Влияя на задумки и дела,
Она одна лишь истина большая,
Она извечно во главе угла.

Неправильно, когда молчит струна,
Когда надорван и простужен голос.
Когда от грез предутреннего сна
Порой так трудно попадешь в тонус.

И не хватает почему-то сил
Не только для каких-то там распевок.
И даже с медом чай и девясил
Всего лишь средство легкого прогрева.

И трудно, честно говоря, понять –
С чего усталость и какого типа?
Иль мучаюсь, что смог я переспать,
Или сработал фактор недосыпа.

БЕГОНИЯ

На грядке скоро зацветет бегония –
 Моей любимой тещи эксклюзив.
 Ее цветы Плюмье, как благовония,
 Описывал, Бегону посвятив.

Монах Плюмье был человеком опытным
 И знал – оценит труд Мишель Бегон.
 Как интендант колоний, честным подданным
 Оказывал поддержку щедро он.

И вот цветок красивый сердце радует,
 И лечит душу тонкий аромат.
 Не зря ведь цветоводы где-то в Падуе
 Бегонию как королеву чтят.

ДВАДЦАТЬ ДВА (монолог девушки)

Мне двадцать два, всего лишь двадцать два.
 И я, поверьте мне, красива и в порядке.
 Две двойки укрощают даже льва,
 И грозный царь готов вылизывать мне пятки.
 Весь мир под ноги ляжет в двадцать два.
 Скажите, кто бы в этом сомневался?
 Такие есть на свете острова,
 Где для меня цветочек дивный распускался.

И танцевать могу я до утра,
 Ведь в двадцать два не существует горизонтов.
 У молодости есть своя игра
 И веселящих сердце множество экспромтов.
 Существенный момент, что в двадцать два
 Мир светлой радостью и счастьем переполнен.
 И в этом я естественно права –
 Не зря поклонники передо мной в поклоне.

КАРАПУЗИКИ

Оглянусь вокруг – и ходят карапузики,
 Карапузнутые это существа.
 У иных произрастают даже усики,
 Но у каждого синдромы баловства.

Иногда бывают умные, серьезные.
 Званий, титулов и прочей чепухи
 На рекламные о них анкеты звездные,
 А на деле мыльный пшик и хи-хи-хи.

В карапузности своей они вредители,
 Все зависит лишь от внешних величин.
 Среди них бывают даже долгожители,
 Но, как правило, один на всех аршин.

По планете расползаясь, карапузики
 Отравляют воздух, коим дышим мы.
 Сочетая свои минусы и плюсики,
 Перестали быть давно уже людьми.

СТУЛ

В дверном проеме стул стоял, чтоб люди
 Протискивались внутрь рядом с ним,
 Чтоб в постоянной нервной амплитуде
 Воспринят был он пунктом основным.

И я, пожалуй, не был исключением,
 Спиною терся об дверной косяк.
 Я стулу тоже придавал значенье,
 Он был, как некий непонятный знак.

Но вот уже невмоготу мне стало...
 Спросонья выйдя, подавив зевок,
 С усмешкой утром мне жена сказала:
 «Ну, что ты смотришь? Убери его».

РЕБЕНКУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Дружочек мой! Я говорю с тобой,
Твоей я светлой радуюсь улыбке.
Дитя мое, ты радуйся и пой,
И ангел подыграет пусть на скрипке.

Дитя мое, не молод я уже
И многое познал на этом свете.
Но я такой же искренний в душе
И так же жду послание в конверте.

И я с тобой на равных говорю,
Мой маленький дружок и светлоокий.
Мы рады декабрю и январю,
Под елкой прячем радость в снег глубокий.

Я в сердце прячу звуков океан,
И это глубже северных сугробов.
И пусть небесный зацветет тюльпан
В честь дня рожденья твоего особо.

ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА

Отпеть и отыграть! С тобой проститься!
Ты ввысь небес взлетаешь, словно птица
И к Богу сядешь на Его ладонь.
И память дней отсчитывать не станет,
И кто-то горькой жидкостью в стакане
Ушедший в небо помянет огонь.

Не так уж много, если разобраться,
Различий у монарха и паяца
Перед отшествием в один конец.
Заслуги, титулы – никчемный мусор,
И в покаянии они обуза,
Ведь настоящий будет там венец.

Я славлю тишину библиотек
И скрытое звучание клавиров.
Глаза закрыв, я вижу древний текст,
Рассказывающий о тайнах мира.

О тех, кто канул в глубине веков,
Но издревле оставил нам наследство.
Оно не для когорты дураков,
В незнании своем погрязших с детства.

Я славлю шепот рукописных книг
И тихий голос древних манускриптов,
И несомненной истины родник,
В котором уйма знания сокрыта.

И образ Бога видится во всем –
В шедеврах ярких мировой культуры.
Но мы при этом с грустью узнаем
Все многоцветие макулатуры.

Из всех известных людям сочетаний
Мы все найти стремимся три в одном.
Во-первых, чтобы был в ней кладезь знаний,
Используемый нами в основном.

Но умная, увидев идиота,
Его загонит сразу под каблук.
И это только в качестве экспромта...
А так устроит фейерверк разлук.

Умна, красива? Это жуть из сказки!
Такие в детстве душу продают.
У них страшней цианистого ласки
И ложь наиглавнейший атрибут.

Душевная бывает очень умной,
Красивой дурой тоже может быть.
Но три в одном в истории подлунной
Вам лучше основательно забыть.

Ты мне просто прочитай тропарь
Главный из троичного канона.
Где-то там, во мраке ходит тварь,
Нам она давно уже знакома.

В доме нашем благодать икон
Сохраняет музыку Пространства.
А вокруг незримый полигон,
На котором дьявольское братство

Собирает полчища свои,
Чтоб однажды ринуться в атаку.
В приграничье в трещины и швы
Лезут, чтобы укусить за пятку.

Но лишь только зазвучит канон,
Расползаются, визжа от страха.
Ведь молитва – их Армагеддон,
Тропари для них топор и плаха.

Так что просто прочитай тропарь
Главный из троичного канона.
Ты мой колокол, а я звонарь,
Я оклад, а ты моя икона.

Нарисую женский силуэт,
Будет мой рисунок карандашным.
Он мне снился очень много лет,
Проявился в жизни днем вчерашним.

Просто нарисую... Вот и все!..
Это некий символ запредельный.
Вижу огненное колесо –
От него идет огонь смертельный.

Может, и не стоит рисовать,
Я ведь однозначно не художник.
Если ключ от символов понять,
Уйма случаев из всех возможных.

ФИЛАНТРОП

Я наверно в чем-то филантроп,
Впрочем, спорно это утвержденье.
С радостью пожертвую сугроб
Другу моему на день рожденья.

С радостью знакомой подарю
Сотни две прокладок супертонких.
Но без проникания в дыру
И разбора жуткой подоплеки.

Но существенное подарить
Я, пожалуй, не совсем согласен.
Ведь хроническая их корысть
Тема эпиграмм и новых басен.

Филантропствующий идиот,
Это мой практический диагноз.
Я – почти Божественный экспромт,
В коем есть всемирная зеркальность.

КАПРИЗЫ ЖЕНЩИН

Капризы женщины наверняка
Являются всего лишь подоплекой.
Каприз имеет функцию звонка,
С психологической настройкой тонкой.

Капризы рассекречивают стиль
И тактику расчета на вниманье.
У каждой женщины свой Сусамбиль
А также к благодати привыканье.

Формально, чтоб пополнить личный счет,
Используется женщиной мужчина.
А феминизм – лишь переучет
Когда-то Богом созданной картины.

И независимость отдельных дам –
Душевно искаженные эскизы.
В их жизни устоявшийся бедлам,
А в нем свои отдельные капризы.

КРАСОТКИ

Идут, виляя попами, красотки,
Искусно отработан каждый шаг.
Расчет на то, чтоб как от стопки водки
Пьянея, сделал дурень оверштаг.

Движенье головы, туман во взгляде,
Полуулыбка – здесь в работе все.
И плавность линий спереди и сзади –
Сюжет любимый Берты Моризо.

У самок есть вибрации в пространстве,
У всех без исключения причем.
Вещал когда-то Кинг притихшей пастве –
Нельзя красоткам верить, мол, ни в чем.

А сам ночной порой к знакомой шастал,
На лоб надвинув темный капюшон.
И думала доверчивая паства,
Что молится за всех ночами он.

Когда для взглядов женщина открыта,
Движений тайных нет в ее душе.
Но проявляют вдруг искусство флирта
Те, чье беспутство в крайнем неглиже.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

О, эта лучезарная улыбка
И взгляд, испепеляющий дотла.
Ну, что ж ты, рыбка! Золотая рыбка!
Куда же ты, родная уплыла?

Мне стало одиноко, все мне дико.
С друзьями спорю я до хрипоты.
Ну, где ж ты, рыбка? Золотая рыбка!
Открой секрет, куда умчалась ты?

И нет разгадки, как и нет ошибки,
Лишь серый день сентябрьский в окне.
Они коварны, золотые рыбки,
У дураков они всегда в цене.

Желание похоже на открытку,
Притягивает красотой своей.
Когда ты встретишь золотую рыбку,
Избавься лучше от нее скорей.

I AM ALONE FOR THE TIME BEING*

Не снился, не предвиделся так скоро
 Судьбы головоломный поворот.
 В пути опять понадобились фора
 И для сопровождения эскорт.
 Еще нещадно осень не сцедила
 Зеленых красок из лесов и роц.
 Но каждый день размеренно уныло
 Стучится в окна морозящий дождь.

Разбрызганная по дорогам серость –
 Сырая неизбежность сентября.
 Душа моя, как безотказный ксерокс,
 Копирует унылость эту зря.
 В холодной, мокро выставшей юдоли
 Пульсирует какой-то грустный вальс.
 Печально мне, что ты не видишь боли,
 Сочащейся из воспаленных глаз.

---

* На данный момент я одинок

FOR NICE WOMAN*

Слезы в этой горькой неизбежности,
 Словно констатация судьбы.
 Испытание любви и нежности,
 Вечностью распятых на столбы.
 И людьми причины недопоняты
 Истинной природы этих слез.
 Сваренный несладким кофе молотый –
 Горечь поглощаемая вскользь.

Есть другая горечь – боль и истина,
 Будто квинтэссенция обид.
 Вроде бы прочитана, пролистана,
 Но в душе по-прежнему свербит.
 Ею одиночество пропитано:
 Даже в складках белых простыней
 Холодом утраты неожиданно
 Сердце выстудить стремится ей.

---

* Для милой женщины

НОЧЬ

Ночь, свежая радость.
 В окна вползает сквозь стекла ко мне тишина.
 Ночь, свежая радость,
 В ней, словно крик, одинокая песня слышна.

Или мне кажется, или спросонья,
 Только никак не пойму:
 То ли кто рвет тишину саксофоном,
 То ли кто плачет во тьму.

Ночь, свежая радость.
 Слышу, стучат каблуки по асфальту вдали.
 Ночь, свежая радость...
 Ты уходила, а слезы текли и текли.

Это не странность и не наважденье –
 Твой запоздалый уход.
 Просто сегодня был мой день рожденья,
 В вечность ушел целый год.

Ночь, свежая радость.
 Чай остывающий я в одиночестве пью.
 Ночь, свежая радость.
 Мне не до сна и не спится в листве соловью.

Знаю наступит прохладное утро,
 Ты возвратишься назад.
 Знаю наступит прохладное утро,
 Ноты любви зазвучат.

ДОЖДЬ

Дождь за окном шумит,
А мы по разные стороны
Огромного этого города,
И нас разделяет дождь.
И ты напрасно взволнованно
В ночи ждешь звонка телефонного.
Мы знаем, что нити разорваны...
Да, нас разделяет ложь.

Ложь любовь не вернет.
И мокрые пятна фонарные
Напрасно тревожно разглядываешь,
Ведь знаешь, что не приду.
А стекла, как щеки заплаканы.
Губами целуя их призрачность,
Ты все же к любви безразличная...
Да, нас разделяет ложь.

Прости мне мое одиночество
В ночном заплаканном городе,
Где нами с тобою растоптана
Такая большая любовь.
И я воспаленно ладонями
Ловлю эти капли холодные,
Как будто в них счастье раздроблено...
Да, нас разделяет ложь.

СИБИРСКИЙ ВАЛЬС

Я танцую в снежной круговерти
С ветром ледяным сибирский вальс.
Надпишу ваш адрес на конверте
И поздравлю с Новым Годом вас.
В танце, словно в сказочном полете
Есть своя большая высота.
Скажем, это будет чардаш Монти,
Я о нем подумал неспроста.

Я хочу, чтоб этот зимний танец
Вам меня всегда напоминал.
Он в какой-то степени посланец
И моей любви оригинал.
Только я всегда непредсказуем,
Не стараюсь этого скрывать.
И сегодня с ветром мы танцуем,
Завтра с вами будем танцевать.

Ты спишь в нагромождение подушек,
Засоньствующая моя любовь.
Хотел понабросать тебе игрушек
И от лаванды горной лепестков.
Но ты во сне красива и невинна,
И даже шорох в данный миг нелеп.
Струится нежный запах розмарина,
В окно алмазом светится Денеб.

В квартире тишина. С серьезным видом
Я для рассольника шинкую лук.
Хотя и тянет в спальню, как магнитом,
Но в дверь звонят: пришел давнишний друг.
И вновь пошли мужские разговоры
О женщинах, о жизни; кто и с кем...
Готовлю ужин для своей синьоры,
И важничаю, словно Бекингом.

Я ТВОЯ СВЕЧА

Я – твоя свеча перед Всевышним,
Я – твоя молитва, твой порыв.
Мы с тобой одной любовью дышим,
В бесконечность все объединив.

Я – твоя свеча. Она не гаснет,
Пламя невозможно погасить.
Аромат тебя немного дразнит,
Чувствам в этой неге не остыть.

Слово в песне не бывает лишним,
В красках не бывает лишним цвет.
Я – твоя свеча перед Всевышним,
Перед Ним несущая за нас ответ.

Милая, еще пока темно.
 Князь-рассвет среди лесов в дороге.
 Тьмою занавешено окно,
 Лишь фонарь мерцает одинокий.
 Пошумев лениво, погромев,
 Рань разголосила электричка.
 Ей другая вторит свой напев –
 Поездов смолкает переключка.

Властвует пока царица-ночь,
 Улыбаясь белым лунным светом.
 Звездных бликов вздрагиваний-корч,
 Как потерянных алмазов кем-то.
 На предутреннем небес панно
 От стволов и веток мешанина.
 Милая, еще пока темно;
 Я сижую, скучаю у камина.

Сотни тысяч секунд без тебя,
 Сотни тысяч секунд ожидания.
 Словно связанный я у столба
 Казни жду; нет почти оправдания.
 Сотни тысяч тяжелых секунд –
 Сутки боли, надежды и нежности.
 Чувства сердце толкают на бунт
 Против страшных колес неизбежности.

Сотни тысяч холодных секунд,
 Льдом подошвы туфель изрезающих.
 Нас секунды сначала распнут
 От разлуки безмерно страдающих.
 Но растают секунды разлук;
 В океане и айсберги плаваются.
 Испытания в преданных слуг
 В результате всегда превращаются.

День охрип от пыли и жары,
 День оглох от визга тормозов.
 В скверах поволока мошкары,
 В воздухе какой-то странный зов.
 День непредсказуемо ослеп,
 Словно кто-то на небо плеснул
 Акварели красной, зелень верб
 И березовую белизну.

Ветерок, дремавший среди крыш,
 Неохотно сполз на тротуар,
 Августовской духоты мякиш
 Выдувая в свете ранних фар.
 И приободрились голоса,
 И хохочет весело малыш.
 Чистая прохлада, чуть сквозя,
 Опустилась к нам с московских крыш.

УТРЕННИЙ РЕЧИТАТИВ

Гудит Москва за кольцевой дорогой,
 А здесь, в поселке, дремлет тишина.
 И если можешь, тишину не трогай,
 Она сейчас, как никогда, важна.

Здесь в этой синей утренней прохладе,
 Играя красотою хризантем
 И нежные соцветья тихо глядя,
 Рождается осенний тихий день.

В еще зеленых кронах шум утонет
 И клочьями повиснет на кустах.
 Я тишину беру в свои ладони
 С полуулыбкой доброй на губах.

Немчиновская благодать струится,
 Переливаясь в чистоту пруда.
 И лучик солнца, словно биссектриса,
 Соединяет судьбы навсегда.

ГОРОД

Город – сочетание симфоний,
 Маршей и романсов диссонанс.
 Краски на каком-нибудь фронтоне,
 Как споткнувшийся киносеанс.

А потом опять потоки кадров,
 В них какой-то странный персонаж,
 Заблудившись в ритме тротуаров,
 Проклинает городской коллаж.

А неподалеку смех девчонки,
 На спине сплетенье пальцев рук
 Паренька в коричневой дубленке;
 И смеется с нею Петербург.

Впрочем, живопись любви и счастья
 Повсеместно достигает звезд.
 В мастерской эпохи время-мастер
 Для пейзажей подбирает холст.

ПЕСНЯ О ДУШЕ

Падал снег на город белой пудрой,
 Ты стояла у окна одна.
 Из-за горизонта бледно утро
 Охлаждало теплокровность сна.

Щекотали нежно занавески
 Плеч твоих таинственный изгиб.
 Полутени – полуарабески
 Падали на контуры ноги.

Губы в полунервном поцелуе
 Что-то говорили о любви.
 Может ты шептала: «Аллилуйя»?
 Как же быть любимым я отвык.

Кофе ароматным потревожу
 Твой предутренный глубокий сон.
 Поцелуи наши будут позже
 Вздохам и объятьям в унисон.
 Что-то будет утонченно сложным
 В то же время искренне простым.
 Взмахом рук почти неосторожным
 Овладею естеством твоим.

Нет понятий, нет определений,
 Непонятно что в итоге есть.
 Знаю точно то, что я не гений,
 Но душой воспринимаю лесть.
 Похвалу душой воспринимаю
 И свернуть могу громады гор.
 Я в поступках иногда хромаю
 Мыслям собственным наперекор.

От простого звука родилась
 Музыка, идущая сквозь время.
 У нее волнующая связь
 С тайной вековечной Вифлеема.

Да, наверно послана она
 С недоступных нам высот и далей.
 Каждый раз по-новому струна
 Говорит аккордами в финале.

Каждый раз раздергивает звук
 Тишины дремотные покровы
 Вопреки теориям наук;
 Он все тот же звук, но только новый.

И пока Вселенная жива,
 Музыка рождаться будет вечно.
 От симфонии до озорства
 Нас обожествляя бесконечно.

Музыканты, поищите струны
В шелковистой вязи паутин.
Говорят, что вы певцы фортуны
Все без исключенья, как один.

Музыканты, поищите песни
В легкой говорливости ручьев.
Позаимствуйте у птиц небесных
Чистоту и нежность голосов.

Дайте нам надежду, музыканты,
Музыкой наполните весь свет.
Вы же искрометные таланты,
Свой для нас несущие завет.

Если вам не верить, то кому же?
Права не имеете на ложь.
Словно вы ваятели жемчужин,
Вызывающих восторг и дрожь.

Чародеи звуков и созвучий,
Мир без вас – пристанище калек.
Все прекрасно: реквием тягучий
И кадрили радостный разбег.

Я готов дарить любовь и осень
С пеленой туманов по утрам.
И сентябрьского неба просинь
И грачей галдежный тарарам.

Я дарю иртышскую прохладу,
Вздых сирен и шорох камышей.
Я дарю сибирскую балладу
Той, которая не спит ночей

Из-за голоса и глаз поэта,
Ищущего призрак той страны,
Где любовь из солнечного света,
Где мы будем с Вечностью равны.

Ежедневно и ежесекундно
Жду твоих волнующих звонков.
Да, меня любить наверно трудно,
Но на жертвы я душой готов.

Я три дня не говорил: «Люблю».
 Как же на душе моей противно!
 Неизвестно что я в ней коплю,
 То ли песен сборник, то ли гимны.

Я три дня провел наедине
 С гадостями и своим снобизмом.
 Словно побывал на грязном дне,
 Загнанный каким-то катаклизмом.

Ах, как хочется сказать: «Люблю!»
 Отплеваться от рутинной слизи.
 Я из жизни просто удалю
 Сцены этой глупой антрепризы.

Мне ни спеть тебе, ни рассказать,
 Чувствам слов и звуков не хватает.
 Я не из разряда грустных ябед,
 Приходящих в Люксембургский Сад.

Не хочу с природой в унисон
 В дождь грустить, а в ясную погоду
 Радости изменчивую льготу
 Тратить на дассеновский шансон.

Я чего-то, собственно, хочу!
 Только если говорить буквально,
 Прозвучит немного тривиально...
 Вдруг еще к тому же огорчу?

Лучше позвоню тебе и мы
 Вечером попьем вина в «Ротонде».
 Там уютно при любой погоде,
 Лишь к вину не подают хурмы.

ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД

Ароматом вязов и каштанов
 Опьяняет Люксембургский Сад.
 Молча по аллее Капитанов
 Совершаем поздний променад.
 Улыбаясь полувиновато,
 Что-то нам картавит старый мсье.
 Слов знакомых мало: «Травиата»...
 Нотр-Дам... Мадлен... Champs-Elysees*.

Старичок вздыхает, тихо шепчет
 И, рукою сделав странный жест,
 Словно счастлив был от нашей встречи,
 Вспомнил что-то про Булонский Лес.

Я ему ответил по-английски,
 Что уходим мы, что нам пора.
 Из кармана куртки вынув виски,
 Он сказал нам: «Русские!.. Ура!..»

Мы идем, нас опьяняют вязы.
 На скамейке у кустов драцен
 Напевает парень долговязый
 То, что пел когда-то нам Дассен.
 Здесь, неподалеку от Монмартра
 Ощущается парижский пульс.
 Не сегодня и пускай не завтра,
 Но сюда когда-то я вернусь.

Champs-Elysees* (фр.) – Елисейские поля.

Это было пламя на снегу –
Роз букет. В бутонах ярко-красных
Огненной стихии вечный праздник,
Описать который не смогу.

Лепестки слегка припорошив,
Отражало серебро снежинок
Не огня и снега поединок;
Лишь контраст, а он красноречив.

Лепестки хранили губ тепло
И, возможно, некий трепет чувства,
Схожего в порыве на безумство,
И в котором нежности предлог.

Роз не оценивший человек
Загасил огонь, любовь несущий,
С миной, равнодушию присущей,
Символ страсти выбросил на снег.

Полыхало пламя на снегу,
Медленно сникая, замерзая.
Подбежав и красоту спасая,
Розы согреваю набегу.

Плач бывает иногда полезным,
Очищают слезы на глазах.
Плач способен уберечь от бездны,
С ним душа почти на небесах.

Только нужно с искренностью плакать,
Не с досады, горечи и зла.
Будьте, словно сладостная мякоть,
Но не закаленная игла.

Тот, кто ранит, бодро в ад шагает,
А ранимый получает рай.
Лжец всегда утрату постигает,
Потому что заступил за край.

Если злом ранимый даже плачет,
Рано торжествует супостат.
Ангел так ему отвесит сдачи,
Что он даже аду будет рад.

НОЯБРЬСКИЙ РОМАНС

Дорогая, осеннее утро
 Переполнено мелким дождем.
 Я пишу эти строки с натуры,
 А потом мы их вместе споем.
 Ах, любимая! Утренний кофе
 Остывает давно на столе.
 Настоящая суть философий
 Быть любимым на этой земле.

Ты – мой ангел! Моя королева!
 Сердце прячет порою слова.
 Кто-то шепчет их в виде напева
 В час, когда я проснулся едва.
 Только справилось сердце не сразу
 Со значимостью слышанных слов.
 Разобрал я последнюю фразу:
 «Не смущайся, ведь это любовь!»

Попроси у меня эту осень,
 Бриллианты росы по утрам.
 Знаю то, что бываю несносен,
 Как владыка троянский Приам.

Попроси у меня это небо,
 Облаков бело-серый покров.
 Обладая могуществом Феба,
 Создаю в рифмах много миров.

Все проси, ничего не стесняйся,
 И Вселенную эту проси.
 Как принцесса багдадская Аза
 Открывала поэтам стези,

Лучезарный мой путь открываешь
 И любовью врачуешь меня.
 Есть богатства несметного залежь,
 Только мне к ней дорога дана.

Попроси у меня их, потребуй,
 Расставаться с богатством легко.
 Если песня поднимется к небу,
 Значит фальши в ней нет никакой.

Для сильного расстройтва нет причины,
Как не должно быть в принципе расстройств.
Ведь свойства настоящего мужчины
Не просто совокупность неких свойств.

И если даже в город прогуляться,
Чтоб помозолить девушкам глаза,
Не значит обязательно влюбляться;
Мечтают пусть они, а нам нельзя.

Должна быть конструктивная основа,
Всего лишь интерес на первый взгляд.
Упомянуть Бердяева, Смирнова,
Для важности добавить плагиат.

Мужчина должен быть всегда артистом!
Пусть на душе скребется леопард.
Не обязателен в кармане «Винстон»,
Здесь атрибутики не важен ряд.

Важней слова и личная харизма,
Костюм и галстук, на руках часы.
И главный пункт мужского артистизма
Хороший запах с привкусом лозы.

Но запах должен быть чуть уловимым,
Ведь пахнуть благородно – не вонять.
Тогда вас точно не пропустят мимо,
По крайней мере, будут узнавать.

Играя, не заигрывайтесь только,
Коллекция веселых баловниц
Приводит игрунов порой на койку
В различных отделениях больниц.

Но не ищите все-таки причины,
Депрессией мозги замуравав.
Ведь свойство настоящего мужчины –
Когда мужчина силой духа прав.

Чтоб возникло чувство, нужен повод,
К поводу и музыкальный фон.
Чувство, словно оголенный провод
Или неумолчный телефон.

Скорость чувств совсем непредставима,
За секунду миллиард парсек.
Обретает свойства херувима
С настоящим чувством человек.

Кто бы что не говорил, не мыслил,
Разговоры – это шелуха.
Слов гирлянды в воздухе повисли,
В пустословии расцвет греха.

Человек, несущий в сердце чувство,
Истинно прекрасен и велик.
Верить и любить – всегда искусство,
Переукрашающее лик.

О ЧУВСТВАХ

У цветов есть нежный аромат,
У любви невидимые волны.
Страстные порывы утомят,
Если вы к ним постоянно склонны.

Чувствам тоже нужно отдыхать,
Чтоб сильней любовь воспринималась.
Ведь безостановочно порхать
Даже ласточкам не удавалось.

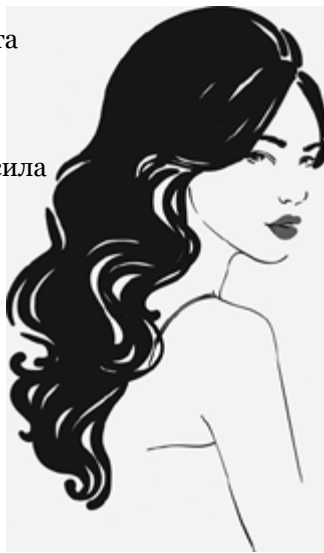
Перерыв не значит забытье,
Перерыв не значит чувств усталость.
Сердце никогда не устает,
В нем огня так много оказалось.

Я слышу эту тишину,
 В ней явственно застыли звуки,
 Твои волнующие руки
 Задели тайную струну.
 Она вибрирует, звучит
 Почти что не переставая.
 Ее мелодия простая –
 Рефрен весенних грез в ночи.

Нет музыки. Нет тишины.
 Есть недопонятое что-то,
 В котором цвет, строка и нота
 В прекрасное отражены.
 И кто бы это мог понять?
 Никем невиданная сила
 В застывшем сердце воскресила
 То, что успел я потерять.

Какой-то не такой парижский воздух
 И не такая утренняя синь.
 Душа отбросит грубую коросту,
 Когда приходишь в храм Ле-Сен-Ле-Жиль.

Волнуешься... По плитам Нотр Дама
 Вольтер ходил, Золя, Бальзак, Руссо,
 Тургенев здесь гулял с любимой дамой,
 Здесь Санд задумала роман о Калипсо.

Квартал Латинский. Окна Берлиоза.
 На стеклах солнце расплескало свет.
 Гитарный гений проливал здесь слезы,
 Когда писал свой скорбный менюэт.

В душе такое чувство, будто что-то
 Родное я в Париже отыскал.
 Итог поездки – сотни строк и фото,
 И мной украденный в кафе бокал.

Под музыку кантри
 В районном театре
 Хочу я с тобой танцевать.
 Пусть пыль на кулисах
 Начнет серебриться –
 Нам вечер любви создавать.

И вдруг ниоткуда
 К нам выйдет Гертруда
 И Хиггинс появится вдруг.
 И Гамлет с Лаэртом
 Споют нам дуэтом
 В соцветье прекрасных подруг.

О! Как ты прекрасна!
 Ты огнеопасна –
 Известно мне это давно
 И в этом театре
 Под музыку кантри
 Мы выпьем хмельное вино.

Выносима ли большая боль?
 Или испытания – наука?
 Умоляю, выстрадать позволь
 Чистоту романсового звука.
 Умоляю, дай мне только шанс
 Храм любви божественной построить.
 Дерзкий замысел не преферанс,
 Где висты могли бы что-то стоять.

Мы не уповаем на расклад.
 В нем закономерности не больше,
 Чем в попытке Рюриковский клад
 Отыскать на побережье Польши.
 Все мое богатство – это ты...
 Денег мира оценить не хватит
 Воплощение моей мечты,
 В жизнь мою вошедшее так кстати.

СОДЕРЖАНИЕ

Я тебя украшу георгинами... стр. 8
Вы в беседке мне сказали... стр. 9
Если есть желание во мне... стр. 10
У контролерши темные глазищи... стр. 12
Говорю тебе сегодня... стр. 13
В эту осень темную, холодную... стр. 14
Никто не скажет... стр. 15
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТАНГО стр. 16
ЛАБИРИНТ ЛЮБВИ стр. 17
Любовь не разменяешь на потом... стр. 18
Девушка сидела у окна... стр. 19
Беременная женщина прекрасна... стр. 20
АНГЕЛ стр. 21
Однажды в парке выступал ботаник... стр. 22
Характер мой ужасен иногда... стр. 23
Ты сказала... стр. 24
Золотоволосая богиня... стр. 26
Если пить вино, то в «Пеперони»... стр. 27
Сисадмин расстроился немножко... стр. 28
Куда в порядке пешем ходим мы... стр. 29
Милая глазастая девчонка... стр. 30
На перине из душистой хвои... стр. 32
ТАНЕЦ ДЕВЫ стр. 33
ВОРОН стр. 34
Твой вопрос почти напрасен... стр. 35
Из неизвестности пришел Он в этот мир... стр. 36
Ты соломенное нежное дитя... стр. 38
ПРЕДОСЕННИЙ ВЕЧЕР стр. 39
Разыгралась непогода за окном... стр. 40

Я чего-то недопонимаю... стр. 41
Поздние осенние цветы... стр. 42
В доме пахнет свежим молоком... стр. 43
Предрассудками душа богата... стр. 44
Друг мой! Не гоняйся за любовью... стр. 45
Мы часто верим в знаковые встречи... стр. 46
Для нежности все правила просты... стр. 48
ПАРАЛЛЕЛИ стр. 49
РЕКВИЕМ стр. 50
Я слишком долго шел к тебе... стр. 51
Я прощаю воздушных людей... стр. 52
Я тебе раскрою свой секрет... стр. 53
МАСЛЕНИЦА стр. 54
ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ стр. 55
НАСТАВЛЕНИЕ ОТ МАСТЕРА-СУФИЯ 2 стр. 56
Невозвращаемость потерь... стр. 57
Между тем, чтоб знать, хотеть, владеть... стр. 58
Я дарю тебе, красавица, пионы... стр. 59
Сквозь стекла храм был солнцем озарен... стр. 60
О НЕКОТОРЫХ ЖЕНЩИНАХ стр. 61
Возникает вектор сумасбродства... стр. 62
Мне кажется, рисунок на стекле... стр. 63
У пальчиков загадочных твоих... стр. 64
Да, мне мой разум не помощник... стр. 65
Я спать люблю, конечно, нагишом... стр. 66
В характере у некоторых женщин... стр. 67
Я утонуть хотел бы в именах... стр. 68
КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ стр. 69
ЖЕНСКАЯ УЛЫБКА стр. 70
Хотел бы я беречь своих друзей... стр. 71
Мне нравится свечение твоих глаз... стр. 72

Пространством скорби управляю я... стр. 73
Ни этих я не знаю, и не этих... стр. 74
Хотел бы посмотреть на вас опасную... стр. 75
Я наведуось, ребята, в Петербург... стр. 76
Наставничество есть особый дар... стр. 77
Я как-то быстро веру приобрел... стр. 78
Когда никто не приезжает в гости... стр. 79
Как много добрых устаревших слов... стр. 80
Любому нужен чей-то комплимент... стр. 81
Если хочешь бегать стометровку... стр. 82
На первый взгляд ты не совсем красавица... стр. 83
Не очень то люблю дарить цветы... стр. 84
Лохмы у нее смешные просто... стр. 85
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТИНЫ стр. 86
Неправильно, когда молчит струна... стр. 87
БЕГОНИЯ стр. 88
ДВАДЦАТЬ ДВА стр. 89
КАРАПУЗИКИ стр. 90
СТУЛ стр. 91
РЕБЕНКУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ стр. 92
ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА стр. 93
Я славлю тишину библиотек... стр. 94
Из всех известных людям сочетаний... стр. 95
Ты мне просто прочитай тропарь... стр. 96
Нарисую женский силуэт... стр. 97
ФИЛАНТРОП стр. 98
КАПРИЗЫ ЖЕНЩИН стр. 99
КРАСОТКИ стр. 100
ЗОЛОТАЯ РЫБКА стр. 101
I AM ALONE FOR THE TIME BEING стр. 102
FOR NICE WOMAN стр. 103

НОЧЬ стр. 104
ДОЖДЬ стр. 106
СИБИРСКИЙ ВАЛЬС стр. 107
Ты спишь в нагромождении подушек... стр. 108
Я ТВОЯ СВЕЧА стр. 109
Милая, еще пока темно... стр. 110
Сотни тысяч секунд без тебя... стр. 111
День охрип от пыли и жары... стр. 112
УТРЕННИЙ РЕЧИТАТИВ стр. 113
ГОРОД стр. 114
ПЕСНЯ О ДУШЕ стр. 115
Кофе ароматным потревожу... стр. 116
От простого звука родилась... стр. 117
Музыканты, поищите струны... стр. 118
Я готов дарить любовь и осень... стр. 119
Я три дня не говорил: «Люблю»... стр. 120
Мне ни спеть тебе, ни рассказать... стр. 121
ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД стр. 122
Это было пламя на снегу... стр. 124
Плач бывает иногда полезным... стр. 125
НОЯБРЬСКИЙ РОМАНС стр. 126
Попроси у меня эту осень... стр. 127
Для сильного расстройтва нет причины... стр. 128
Чтоб возникло чувство, нужен повод... стр. 130
О ЧУВСТВАХ стр. 131
Я слышу эту тишину... стр. 132
Какой-то не такой парижский воздух... стр. 133
Под музыку кантри... стр. 134
Выносима ли большая боль... стр. 135

ПЛАНИРУЕМЫЕ ИЗДАНИЯ

СКАЗКА О СИНЕМ ДЖИННЕ 2018 год

ОКОЛЕСИЦА 2018 год

СОБЕСЕДНИК ДУШИ 2018 год

Тираж 10 000 экз. (бумажная версия)

Формат 60x56/16

Обложка жесткая

Условных печатных листов 0,62

Заказ № 168 от 10.11.2018 г.

ИД «Ириосис»

По вопросам сотрудничества с поэтом обращаться:

тел. +7 915 2874470

факс +7 495 2210550 код донатора 1425

Skype: Olgin2016

<http://egentar.ru>

<https://vk.com/id513957132>

E-mail: letter@egentar.ru